

Рождество в Скобском дворце.

Дедушка мой Василий Иванович Смирнов родился в селе Колпино в семье крестьянина. Его тетка вышла замуж за слесаря с кабельного завода, находившегося на Васильевском острове на Косой линии. Поселились они во дворце, только не Зимнем и не Строгановском, а в Скобском. Так назывался дом № 25 по Кожевенной линии, в 1905 году перестроенный и ставший шестиэтажным – чем не дворец, экая махина! Населяли его, в основном, рабочие из Псковской и Ярославской губерний, дразнили их скобарями, отсюда и название. Квартиры в том дворце были разные – почище и похуже, вот дедушкин дядя Петр был слесарем не простым, а квалифицированным, так что жил неплохо, хоть и скромно. И мог себе позволить позвать десятилетнего Васю на Святках погостить.

Приехал он не с пустыми руками – мать гостинцев деревенских прислала, а тятка елку срубил, маленькую. Елка – барская забава, в деревне не принятая, а городским – в самый раз. Вот радость была дедушкиным двоюродным сестренке да двум братишкам! Тетка Любаша квартиру убрала чисто - начисто, как водится к празднику (невелика уборка – комната да кухня, хоть и большие). Сочельник наступил – канун рождества. Хозяйка на кухню, а ребятня – елку украшать. О покупных игрушках в рабочей семье и речи не шло – дорого. Ну, да не беда – а на что же руки? Есть бумага, клей, ножницы, картонки да фольга – вот и игрушки. Впрочем, и в зажиточных семьях часто сами мастерили елочные украшения – ведь так интереснее и веселее. А еще на елку повесили печатные пряники, орехи, мелкие, но яркие яблочки – желтые и красные, большие конфеты из постного сахара в ярких аляповатых фантиках. Сахар раньше очищали, прогоняя через костный уголь, поэтому считали, что рафинад в пост есть нельзя, а можно только неочищенный сахар, желтоватый на вид, потому и называли его постным.

Он был самым дешевым лакомством наряду с леденцами, они тоже висели на елке. О мандаринах тогда и помину не было. Наконец укрепляли тоненькие разноцветные свечи, которые из экономии зажигали ненадолго и на макушку сажали большую звезду из серебряной бумаги – совсем как настоящую!

Вечером все шли в близлежащий храм Милующей иконы Божией Матери, недавно построенный архитектором В. Косяковым на Большом

проспекте и получившим в народе прозвание «Богородицы на Чекушах» по месту, где находился. Там рядом были склады муки и, когда она слеживалась и твердела, её разбивали колотушками - чекушами.

По возвращении домой зажигалась перед образами лампадка и все садились за стол, застеленный, по деревенскому обычаю, чистой соломой (тоже дедушка из Колпина привез) и покрытом полотняной скатертью, на которой стояли миски с солеными рыжиками, моченой морошкой, орешками, яблочной пастилой, квашеной капусткой, ржаными теплыми лепешками и калитками с картошкой, пряниками и пирогами с грибами и морковкой. А на кухне уже пел самовар свою песню – чай готов, чай готов!

Дедушка рассказывал, что для детей приносили кувшин с довольно узким горлышком. Внутри были орешки разные, изюм и чернослив. Можно было по три раза засунуть руку и взять, сколько сумеешь. Здесь хитрость – пожадничает, хочешь побольше захватить, сжимаешь кулачок – не проходит! Начинаешь разжимать и в результате почти ничего не добудешь. Маленький Васятка был умный – ручонку с открытой ладошкой запускал корабликом и осторожно тащил добычу. «Умен, парень, умен – не иначе, мастером станешь » - говорил дядя Петя, смеясь (дедушка стал инженером, директором троллейбусного парка в Ленинграде – но это будет еще не скоро).

Утром (оно было солнечным и морозным) случилась радость – все поехали в Андреевский собор к обедне на извозчике, да, на извозчике, а у лошадки-мохнатки в гриву по поводу праздника вплетены были цветные ленточки, и мчалась она по Большому проспекту, «бразды пушистые взрывая», жаль, что недалеко мчалась. В храме тусклым старинным золотом сиял иконостас, горели свечи и торжественно и красиво пел хор. А над островом над Васильевским гремели – заливались колокола, Андреевский перекликался с Благовещенским, Смоленский с Екатерининским, Успенский с Троицким храмом. Радуйтесь, люди, Христос родился!

Дома ждал праздничный обед – печеный гусь с яблоками, поросенок с кашей, ветчина и пироги с капустой, ватрушка с творогом и домашняя колбаса, а для детей, конечно же, немудреные лакомства. Взрослым свое лакомство - вино самолучшее, как говорил лавочник и пиво, а водку дядя Петя не пил.

После сытного обеда ребятня горохом скатилась по лестнице вниз на улицу гулять. Катались на салазках и на ледянках. Что такое ледянка? Нечто вроде скамеечки на полозьях, на неё садились верхом, а, чтоб лучше скользила, низ обмазывали, прошу прощения, жидким навозом, а потом на мороз выносили, чтоб за ночь замерзло и скользило хорошо. Девочки на ледянках не катались, только мальчишки. Во дворе ребята с помощью дворника насыпали к Святкам снежную гору, а еще можно было пойти на залив или на Неву. На Святках заключался мирных договор между извечными противниками – скобарями, гаванцами и наличниками – жителями Гаванской и Наличной улиц. Лепили снеговиков, строили снежные крепости и городки, играли в снежки - да мало ли забав зимой. Ходили к знакомым колядовать, ходили и в богадельню купцов Брусницыных на Косую линию (дом 15а), пели старичкам «Христос рождается, славите» и «Рождество Христово, Ангел пролетел», с собой носили звезду из промасленной бумаги на палке, а внутри зажигали свечку. Слушатели подпевали и угощали маленьких славильщиков сахарком, пряниками, булочками и пирожками. Вечерами собирались у друзей, если жилье позволяло, играли в игры, такие, как «Барыня прислала сто рублей», загадывали загадки.

А однажды сосед принес билет на елку, судя по всему, она проходила в особняке тех же купцов Брусницыных, владельцев кожевенного завода и известных благотворителей. Дедушка помнил огромный зал и огромную ель, всю увешанную игрушками, конфетами и яблоками, которые потом раздавали детям. Красивая барыня играла на пианино, а другая занимала ребят, смущенных непривычным великолепием, водила с ними хоровод, пела песенки, играла. Еще было представление Петрушки и чай с пирожными бутербродами. Всем вручили узелки с подарками – сладости и что-нибудь полезное – дедушка получил отрез кумача на рубаху – мамка к Пасхе сшила! Еще играли в «волшебный котел» – это был большой котел с пшеном, в него запускали по очереди руки и шарили. Каждый вылавливал маленький сюрприз оловянного солдатика, куколку, конфету, лошадку или апельсин. Сколько было радости, сколько восторгов и смеху!

Но вот и Новый Год – дедушкин день рождения и именины, Васильев день. Встретил он его уже в Колпино – накануне за ним приехал старший брат с деревенскими гостинцами для городской родни. А в деревне по обычаю к Васильеву дню кололи свиней – так что колбаски и ветчины было вдоволь. Васе Смирнову в 1907 году исполнилось 10 лет. Впереди работа на заводе, армия, Первая мировая, революция, гражданская, рабфак,

стройки пятилеток. После Великой Отечественной войны он поселился на Васильевском острове, где стал моим дедушкой и рассказал о самых светлых днях своего детства. На последние 30 лет жизни он стал василеостровцем – сбылась его детская мечта!

Смелова Е.В.